

EDN: PUELWK

УДК 94(470.316)

Из истории перехода церковного имущества в государственную собственность в Ярославской губернии в 1918 г.

Архипова Любовь Михайловна

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль.
ORCID: 0000-0001-8285-5720. E-mail: lubov.a2011@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальная в научном отношении история имущественных отношений между Русской православной церковью (далее – РПЦ) и государством в первый год реализации антирелигиозных декретов Советской власти. Если в фундаментальных исторических трудах, посвященных антицерковной политике периода диктатуры пролетариата, представлен концептуально осмысленный взгляд на ее причины, масштабы, средства проведения и достигнутые результаты, то в региональных исследованиях всегда открывается перспектива наполнения концепций новым конкретно-историческим материалом, введения в научный оборот архивных источников и информации о местной специфике. Данное исследование выполнено в русле социальной истории с использованием принципов неопозитивистской методологии и приемов источниковедческого метода в сборе и интерпретации исторической информации. Объектом изучения послужила организационная сторона реализации антирелигиозного законодательства. Предметом являются особенности формирования новых имущественных отношений между ярославскими советами депутатов и епархией. Основную источниковую базу составили циркуляры, деловая переписка, отчеты, доклады, описи имущества и акты его реквизиции, заявления приходских общин, банковские справки о капиталах церквей и монастырей, сохранившиеся в фондах губернского и уездного отделов (исполкомов совдепов) по отделению церкви от государства в Государственном архиве Ярославской области и его Рыбинском филиале. В заключении статьи представлены наблюдения об особенностях перевода церковного имущества в собственность государства в Ярославской губернии. Области применения полученных результатов исследования – культурно-образовательная и научно-исследовательская.

Ключевые слова: РПЦ, Советская власть, Ярославская губерния, отделение церкви от государства, финансово-материальная основа, реквизиции, сопротивление.

Введение. Побудительным мотивом для обращения к теме послужила современная историографическая ситуация по проблематике государственно-церковных отношений в условиях становления советской власти. Несмотря на достигнутые за последние тридцать лет позитивные научные результаты в ее изучении, сохраняется дискуссия даже по концептуальным позициям. Преодоление политизации истории, расширение источниковой базы исследований и, соответственно, введение в научный оборот новой информации не привели к единству мнений по принципиальной оценке антирелигиозной политики большевиков. Под сомнение поставлена научная объективность, казалось бы, прочно вошедшего в оборот определения ее как жестоких «гонений на Церковь» [15]. Наряду с этим предлагается изменить угол зрения на взаимоотношения государства и церкви в 1917–1937 гг.: проанализировать основные точки их взаимодействия не сквозь призму непримиримых противоречий, а с учетом не реализовавшейся перспективы сотрудничества. В этой концепции Гражданская война рассматривается как период, когда реализация декрета об отделении церкви от государства не отличалась наступательным характером, поскольку у советской власти на это еще не хватало сил. Они появились с наступлением голода в 1922 г. [12]. Очевидно, что отвлеченные от конкретно-исторического анализа фактов построения, основанные либо на изучении нормативно-правовых актов без учета реалий «революционной законности», как в первой концепции, либо на размышлениях над периодизацией антирелигиозной политики во втором случае, не выглядят убедительно. Однако они побуждают к усилению регионального аспекта в освещении темы. Цель статьи состоит именно в том, чтобы создать представление о реализации декрета об отделении церкви от государства в сфере имущественных отношений в 1918 г. в Ярославской губернии. Объектом изучения послужила организационная сторона реализации антирелигиозного законодательства. Предметом являются особенности формирования но-

вых имущественных отношений между ярославскими советами депутатов и епархией. В работе использовалась делопроизводственная документация по теме из фондов губернского и уездного отделов (исполкомов совдепов) по отделению церкви от государства Государственного архива Ярославской области. Исследование выполнено в русле социальной истории с учетом такого принципа неопозитивистской методологии, как признание ценности исторического факта, и использованием приемов источниковедческого метода в сборе и интерпретации исторической информации.

Результаты исследования. Первый удар советской власти по РПЦ был нанесен одним из двух поистине эпохальных законов, принятых 26 октября 1917 г. II Съездом рабочих и солдатских депутатов. «Декрет о земле» устанавливал: «...земли... монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания» [9, с. 17].

Следующим шагом в том же направлении стала резолюция ВЦИК от 4 ноября 1917 г. о печати, она санкционировала конфискацию частных типографий [9, с. 43]. 20.01 (02.02) 1918 г. в «Правде» были опубликованы два декрета. Первый – о немедленном запрещении Комиссии государственного призрения выдавать средства на церковные нужды, включая содержание священнослужителей и законоучителей, второе – об увольнении лиц духовного звания всех вероисповеданий из армии, где они служили протопресвитерами, благочинными, священниками [18, с. 98].

Через два дня там же был опубликован «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах», утвержденный 20.01 (02.02) 1918 г., послуживший еще одним юридическим обоснованием для лишения Церкви материальной основы ее существования. Его проект был опубликован заранее 31 декабря 1917 г. в газете «Дело народа» [17, с. 24]. Все церковные и религиозные общества приравнивались к частным, они лишались прав юридического лица, не имели права владеть собственностью. «Все имущества церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются по особым постановлениям местной или центральной государственной власти в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ» [9, с. 374].

Издание декретов проходило в обстановке прямых угроз и открытых разбойных нападений на священников, грабежей церковного имущества. В обеих столицах и в провинции десятки тысяч людей (в Петрограде до 500 тыс.) прошли крестным ходом, проводились приходские собрания, создавались приходские союзы для защиты святынь, что наталкивалось на вооруженное сопротивление со стороны антицерковных сил. В начале февраля крестные ходы в Туле, Харькове, Шацке Тамбовской губернии, Сычевке Смоленской губернии были расстреляны [13, с. 144–145, 152, 156].

В этой атмосфере исполком Ярославского Совета депутатов готовился к подавлению активного сопротивления верующих большевистской политике в отношении Церкви, местная власть ожидала «погромов», подразумевая массовые протесты, организованные «темными силами», то есть контрреволюционными. Местной власти предстояла борьба за церковные богатства Ярославской епархии, которая по их размерам занимала пятое место по оценке доходности, пропустив вперед только Санкт-Петербургскую, Московскую, Киевскую и Владимирскую епархии. К началу 1914 г. в ней насчитывалось 967 храмов, 782 часовни и молитвенных домов, 25 монастырей, архиерейский дом, 888 церковных библиотек, 4 мужских и 2 женских духовных училища, 586 церковных школ и 575 начальных училищ, 239 церковно-приходских попечительств, 6 больниц и 39 богаделен. Доходная часть бюджета достигла более 3,5 млн р. [3]. Епархия была не только духовным центром культурно-нравственного воспитания населения, но и мощным хозяйственным укладом в экономическом строе Российской империи. Вполне ожидаемо, что жители губернии встали на его защиту.

Уже в январе население Ярославля стихийно собралось на центральных улицах и площадях на многочисленные по представительности митинги, на которых прозвучало резкое осуждение политики большевиков. «Советом были предприняты меры. По городу разъезжали отряды Красной Гвардии. Город был объявлен на осадном положении, толпы рассеялись, но настроение оставалось тревожным» [7, с. 51]. Даже спустя несколько лет ярославские большевики вспоминали об этих событиях как о попытке восстания. «Еще в январе 1918 г. ярославские попы пытались устроить что-то вроде восстания, но их попытка была быстро подавлена. Уже тогда попы призывали православных христиан покаяться и причаститься пред

вступлением в бой с большевиками» [10, с. 62]. О протестах сообщали «Церковные ведомости»: «В Ярославле попытка завладеть церковным достоянием вызвала грозное народное движение, так что власть вынуждена была объявить военное положение. Много убитых и раненых» [20, с. 207].

Первые действия местной власти по реализации декрета об отделении церкви от государства натолкнулись на сопротивление верующих даже в самом глухом углу губернии. «В Пошехонье в связи с применением декрета об отделении Церкви от государства подверглись расстрелу трое граждан и 56 человек арестовано; последним угрожает революционный суд, первые казнены без суда» [22, с. 380].

Местная власть Мологского уезда угрожала священникам расправой в духе революционной законности («будут караться по всей строгости революционного времени») за саботаж антицерковных декретов – невыдачу метрических книг исполкому совдепа [6, л. 8]. Учет и сбор описей церковно-монастырского имущества проходили в условиях чрезвычайно-осадного положения, введенного в Мологе с 23 октября 1918 г. для борьбы с контрреволюцией [6, л. 63, 94–94об., 108–108об.].

Этому предшествовал организованный приходской общиной Воскресенского храма Мологи 13 октября многотысячный крестный ход в честь праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Он сопровождался встречей икон из Афанасьевского женского монастыря. 15 октября произошел незаконный арест известного по всей округе священника церкви в с. Иловна М. А. Урусовского [6, л. 40, 41, 43–43об.], а 26 октября в Сить-Покровской волости Мологского уезда началось выступление крестьян, подавленное 31 октября вооруженной силой [14].

Конкретная программа реагирования на антицерковные декреты советской власти последовала в форме Постановления Святейшего Патриарха и Священного Синода от 15.02 (28.02) 1918 г. Ее проект был составлен Священным Собором, который отметил чрезвычайный характер обстоятельств: «В последнее время участились донесения из епархий на имя епархиальных преосвященных – членов Священного Собора о разбойных грабежах в приходских храмах и монастырях, соединяющихся нередко с кощунственным поруганием святыни Господней, а равно о насильственном отобрании церковных и монастырских земель со всем хозяйственным инвентарем и иного имущества, как жителями окружающих селений, так и лицами, именующими себя носителями власти» [23, с. 685–686].

В Постановлении указывалось на необходимость создавать союзы для защиты церковного имущества, не называя их церковными или религиозными; чтобы иметь права юридического лица, они должны быть просветительскими или благотворительными. Монастырям рекомендовалось создавать такие союзы из постоянных богомольцев обители. Предписывалось уберечь священные сосуды и другие предметы богослужения от поругания и расхищения, метрические книги не выдавать светской власти, в случае нападения на церковное имущество бить в набат, собирая православный народ на защиту Церкви. Насильственные захваты церковного имущества документировать актами и описями. Церковный брак может сопровождать гражданский, если нет к этому канонических препятствий. Родителям, учителям – требовать и добиваться сохранения религиозного воспитания и обучения. Мирянам запрещалось самовольно, без обращения к правящему архиерею, отстранять от духовного служения пастырей [21, с. 33–34].

12 сентября 1918 г. Священный Собор вынес определение, согласно которому всякое отторжение от Церкви ее достояния: храмов, часовен и священных предметов – есть кощунственный захват и поругание, противостоять которому обязан каждый православный христианин, нельзя допустить, чтобы к священным предметам прикасались не священники. Священный Собор предупреждал о возможном закрытии храмов по распоряжению епархиальной власти, если прихожане проявят безразличие к захвату и поруганию святынь [13, с. 196–197]. Это находило отклик у тех верующих, кто решительно заявил свой протест против антицерковных декретов советской власти, что подтвердили и последующие события, когда государство приступило к их непосредственной реализации.

В январе 1918 г. повсеместно при Исполнительных комитетах Советов рабочих и солдатских депутатов губернского и уездного уровней создавались отделы по церковным делам под разными названиями, например: «вероисповедный» в Твери, «отдел култов» в Рыбинске, «комиссариат по религиозным делам» в Калуге, «комиссия по ликвидации церквей» в Вятке [13, с. 220, 250, 264].

Руководство их деятельностью осуществлял Отдел по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства при Наркомате юстиции РСФСР, в официальных документах

он проходил под номером VIII и имел характерное определение «ликвидационный». Рекомендовалось привлекать к его работе как в центральный отдел, так и местные подотделы «официальных представителей вероисповеданий или их уполномоченных» в качестве экспертов [13, с. 204–212].

В Ярославле был создан Комиссариат церковно-монастырских имуществ, в ноябре 1918 г. он уже назывался Ярославский ликвидационный отдел церковно-монастырских имуществ [5, л. 6; 12, с. 220].

В январе 1918 г. церковные причты и старосты Ярославля получили официальное распоряжение предоставить описи церковно-монастырского имущества и справки «об уплате денег по очередным статьям» комиссариатам. Общее собрание приходских советов Ярославля отреагировало на требование власти решительным отказом в форме официального постановления. В нем юридическое право распоряжаться церковным достоянием признавалось исключительно за православным населением города и подчеркивалось, что владельцем имущества каждого храма является приход. Соответственно, указывалось, что распоряжение поступило не по адресу, обращаться следует не к причетникам, а к приходским советам. Кроме того, признавалось, что все доходы церквей и монастырей являются единственными источниками их содержания, поэтому не могут быть переданы комиссарам. Постановление при его передаче местной власти сопровождалось запиской, в которой требование комиссаров было названо «злостной попыткой задушить Церковь» [19, с. 419].

Скорой реакции ярославского комиссара по церковно-монастырскому имуществу на постановление собрания приходских советов города не последовало. Это укрепило церковную общественность в мысли о необходимости дальнейшего сплочения приходских сил для противодействия покушениям советской власти на церковное имущество. На следующем собрании приходских советов обсуждалось предложение об объединении всех приходских советов епархии в благочиннические уездные союзы и, наконец, в общую епархиальную организацию. Была создана Комиссия Соборного Совета, куда направлялись сведения о гонениях на Церковь в Ярославской епархии [13, с. 410].

Инициатива ярославцев была не только поддержана высшим руководством Церкви, но и получила дальнейшее развитие. Церковные ведомости со ссылкой на эту историю предложили сформированным по такому вертикальному принципу объединениям создать Всероссийскую приходскую организацию под покровительством Святейшего патриарха для защиты церковного и монастырского имущества от государственных реквизиций [19, с. 419].

В феврале 1918 г. в духовные учебные заведения Ярославля поступило постановление губернского совдепа об отмене преподавания всех религиозных вероучений и о прекращении выплаты жалованья учителям этих дисциплин. В марте учащиеся семинарии были досрочно распущены, в мае исполком совдепа отобрал здание семинарского общежития для своего отдела призрения [1, с. 171–172].

В Рыбинском уезде с января и до 1 октября 1918 г. реализацию декрета об отделении церкви от государства осуществлял единолично комиссар церковно-монастырских имуществ. С апреля 1918 г. им был священник Д. А. Розов, 30 лет, настоятель храма села Никольского на Шексне, вскоре лишенный сана [5, л. 34]. Прежде всего, он потребовал от церквей, монастырей и часовен уезда описи имущества, сведения о земле, домах, капиталах, а также об арендной плате религиозных общин [5, л. 14]. Настоятели храмов и приходские советы долгое время не выполняли этого требования, следуя позиции высшего церковного руководства и указаниям епархиальной власти. Впоследствии качество представленных ими под давлением советской власти описей церковно-монастырского имущества не удовлетворило комиссара, последовали ревизии описей, после которых число отмеченных в них объектов, предметов и их денежной оценки увеличилось [5, л. 34об.].

К сентябрю стал очевидным большой масштаб работы, потребовалась организация отдела в составе семи служащих. При своем создании в октябре он получил название Рыбинский уездный ликвидационный отдел церковно-монастырских имуществ, 15 ноября 1918 г. был переименован в Отдел культов при Совдепе, а спустя еще месяц – в Отдел по отделению церкви от государства [4, л. 25; 5, л. 9, 14].

К этому времени некоторые капиталы приходских общин Рыбинского уезда были учтены, реквизированы и переданы в казначейство в размере 600 тыс. р. К концу 1918 г. Рыбинский ликвидационный отдел передал в отделение Народного банка на депозиты казны 1 507 034 р. денежными документами и 28 335 р. наличными [5, л. 14, 34об.]. Результаты уче-

та и реквизиции церковно-монастырского имущества, осуществленные рыбинским отделом, могли быть более значительными, по мнению его руководителя, если бы на это имущество не посягали другие уездные совдепы и их отделы [5, л. 14об.]. Спустя полгода при национализации банков в доход государства поступило 8,4 млн р. церковного и монастырского капитала Ярославской епархии [8, с. 119].

Механизм национализации денежных средств, применяемый советским государством, был достаточно прост, о чем свидетельствуют документы, сопровождавшие финансовые операции с церковными капиталами. Например, при закрытии домового церкви городской тюрьмы в Мышкине ее вклады в сберегательную кассу были переведены Мышкинскому комиссариату по охране и учету церковно-монастырского имущества на его текущий счет в уездном казначействе [13, с. 396–397].

К первой годовщине Октябрьской революции по решению местного исполкома совдепа в Рыбинске были проведены акции по «снятию предметов культа из общественных и государственных учреждений, с улиц». Одновременно были закрыты шесть часовен и церковь при Рыбинском подворье Толгского монастыря. Настоятель церкви был убит, монахи изгнаны, а культовые предметы часовен реквизированы и отправлены на склад церковно-монастырского имущества [5, л. 14об., 33].

20 ноября Отдел предложил через газету «Известия Рыбинского Совдепа» всем религиозным общинам и приходам города и уезда в течение десяти дней подать заявление о своем желании взять в пользование для богослужебных целей храм и необходимые предметы культа. В объявлении указывалось, что всем этим имуществом теперь «ведает» совдеп, с которым следует заключить договор на право пользования. От желающих требовалось приложить к заявлению список всех членов общины или прихода (не менее 20), заверенный милицией, домовым комитетом и руководителями общин [4, л. 11].

Тем самым Отдел выполнял соответствующую инструкцию Наркомата юстиции от 30 августа 1918 г. В ней указывалось также на обязанности общин и приходов содержать, хранить и беречь полученное в пользование имущество как общенародное достояние, а в случае любого ущерба нести ответственность «по круговой поруке» [13, с. 173–183].

В условиях слабого государственного контроля за общественным порядком, разгула бандитизма и постоянной угрозы грабежей, которыми было отмечено время революции и Гражданской войны, степень ответственности за сохранность «общенародного имущества» в виде церковных ценностей становилась соразмерна жизни. Тем не менее 83 приходские общины Рыбинска и Рыбинского уезда сразу заключили такие договоры, чтобы сохранить богослужение в новых государственно-политических условиях [5, л. 33].

Наряду с мероприятиями по передаче церковного имущества в пользование приходам губернскими отделами продолжалось изъятие «религиозных изображений» из государственных и общественных учреждений, публичных мест с передачей их в распоряжение местных совдепов, в случае ценности – в казначейства [5, л. 7].

31 августа 1918 г. Наркомат юстиции направил в ликвидационные отделы еще одну инструкцию о порядке выполнения декрета. В ней разъяснялось: церковно-монастырские земли, угодья, подворья, гостиницы переходят в ведение жилищно-земельных отделов городских и уездных исполкомов совдепов, соответственно, и доходы с этих имуществ также поступают им. «Неприкосновенные капиталы» отбираются ликвидационными отделами. Отчитываясь о выполнении инструкции, Рыбинский отдел сообщал, что к концу 1918 г. общее количество отобранных им владений составило 364, в том числе жилых помещений каменных 64 и деревянных 160; нежилых каменных и деревянных – 70, их «стоимость неизвестна». Епархиальный свечной завод был национализирован, имущество его передано на склад [5, л. 34].

Для того чтобы лучше представить себе, каким было сознание людей, приступивших к реализации антицерковных декретов, следует обратиться к конкретным примерам этой практики. Осенью 1918 г. в Мусоргской волости Пошехонского уезда на общих собраниях членов и сочувствовавших партии большевиков принимались следующие решения: о книгах, отобранных у гражданина деревни Дубничново И. Д. Мохова, – «означенные старообрядческие книги продать за большую сумму для усиления средств партии»; о помещении для Архангело-Сарского клуба – «перевести клуб в помещение священника...» [16, л. 2об., 12].

Живое представление о том, как осуществляли свою работу ликвидационные отделы, дает письмо Ярославского епархиального совета в Комиссию Соборного Совета. В нем сообщалось о народном волнении в ходе реквизиции имущества Богоявленского монастыря Углича. События развернулись на территории обители весной 1918 г.

14 (28) мая угличский комиссар церковных и монастырских имуществ потребовал от ее настоятельницы предоставить в трехдневный срок разнообразные сведения, в том числе об имуществе и доходах. Совет общины верующих, организованной при монастыре, принял решение никакого ответа не давать, что и было выполнено игуменьей Маргаритой. 21 мая комиссар явился в монастырь лично составить опись имущества, но ему в этом было отказано. 22 мая после безуспешных переговоров представителей монастыря с исполкомом городского совдепа требование повторилось в ультимативной форме – под угрозой лишения монастыря земельных угодий. Приходской совет вновь обсудил ситуацию и решительно отказался выполнять волю исполкома. 4 июня отряд вооруженных красноармейцев окружил монастырь со всех сторон. Двоим из них удалось перелезть через ограду на монастырский двор. Один, беспорядочно стреляя, побежал к колокольне, с которой уже звучал набат. Столкнувшись с одной из послушниц, он выстрелил в упор, рана оказалась смертельной. Другой красноармеец сбил замок на воротах, и весь отряд ворвался во двор обители. «Собравшийся от произведенной тревоги со всех сторон г. Углича народ был разогнан силой оружия (произведены были выстрелы). Вдоль монастырских стен были выставлены пулеметы, и до 2 часов утра следующего дня отряд оставался у монастыря» [13, с. 410]. Начальник отряда объяснил вооруженное нападение контрреволюционным сопротивлением монастыря советской власти.

О дальнейшей судьбе Богоявленской обители сообщалось в официальной справке эксперта VIII Отдела НКЮ РСФСР М. Галкина (в прошлом священника, лично предложившего свои услуги СНК незадолго до принятия декрета о «свободе совести») [13, с. 88–89]. 13 ноября 1918 г. он докладывал заведующему Отделом П. А. Красикову о положении дел в Угличе: «Небольшой уездный городок... населения всего 6 тыс. человек, пролетариата почти нет, в большинстве случаев – рядовой обыватель, все еще находящийся под влиянием кудесников в рясах. В городе 45 церквей и 2 монастыря. ...Местный Совет решил пустующие храмы обратить в настоящий момент в школы и другие общепользные народные учреждения. ...совдеп ожидает санкции на свое решение со стороны VIII Отдела. Один из двух монастырей – женский Богоявленский – населен 300 монахинями, другой – мужской Алексеевский – населен 20 монахами. Что касается последнего монастыря, совдеп решил его упразднить. В монастырских корпусах будет устроен санаторий, а монастырская церковь отдана группе граждан для совершения религиозных обрядов в соответствии с инструкцией... Престарелые монахи будут размещены по богадельням, все трудоспособные – выселены. Эти свои предположения совдеп предполагает осуществить на самых ближайших днях. До настоящего же времени все монахи с монахинями привлечены на принудительные общественные работы. Установлен 8-ми часовой рабочий день. Род принудительных работ – устройство бульвара и изготовление кирпичей... Местный Совет производит впечатление слишком мягкого и нерешительного. Его необходимо побудить к более энергичным шагам по проведению инструкции в жизнь. ...Что касается остального духовенства, то, как известная политическая сила, оно сейчас раздавлено и по отношению к местному Совету держится вполне лояльно. Записи актов состояния в Угличе ведет Нотариальный отдел» [13, с. 229–230].

С самого начала реализации «Декрета о свободе совести» правительство озаботилось передачей в собственность государства изделий из драгоценных металлов. Особое значение это приобрело в середине ноября 1918 г., когда VIII Отдел НКЮ РСФСР разослал местным подотделам распоряжение о производстве в пятидневный срок тщательного учета вещей из золота, серебра и драгоценных камней с указанием их веса и количества. При этом местным комитетам большевиков следовало сопровождать эту акцию агитационно-пропагандистской кампанией [5, л. 9].

В директиве от 15 ноября Ярославский отдел рекомендовал выделить из партийной среды лекторов, организаторов митингов. Им предстояло объяснить гражданам, что в то время, когда церковные ценности не приносят никакой пользы, республика находится в беднейшем состоянии, а также напомнить о снятии колоколов для переплавки их на орудия по указу Петра Великого [5, л. 9].

Под учет попадало буквально все, вплоть до бытовых предметов. Во время изъятия церковного имущества в Толгском монастыре в ноябре 1918 г. ликвидаторы реквизируют наряду с 4245 старинными серебряными монетами 20 столовых серебряных ложек, 2 ситки серебряные, 29 чайных ложек серебряных. При этом они не имели четкого представления, кому следует передать столовые предметы [11].

По мнению заведующего Ярославским отделом А. Овсянникова, наряду с членами большевистской партии в пропагандистской кампании по изъятию церковного имущества надлежало принять участие работникам совдепа, следовало также привлечь церковных старост, а для канцелярской работы – грамотных монахинь и монахов с оплатой их труда [5, л. 9об.].

Однако уже 22 ноября новый заведующий Ярославским губернским отделом Д. Серов со ссылкой на Москву и с пометкой «срочно» давал очередное распоряжение уездным отделам по поводу изъятия ценностей. В нем указывалось «оставить в покое деревенские церкви», а по городским богатым храмам и монастырям «сделать выборку...: бесприходные церкви подлежат закрытию», о чем сообщать через газету за неделю до закрытия. Все имущество таких храмов рекомендовалось передавать по инструкции VIII Отдела НКЮ РСФСР от 30 августа 1918 г. в пользование приходов наиболее бедных церквей и с обязательным составлением описей имущества. Относительно капиталов предписывалось включать в договоры с религиозными общинами только небольшие суммы до 500 р., остальные же подлежат изъятию и передаче в местное казначейство [5, л. 10–10об.]. Несомненно, местная власть опасалась массовых выступлений против реквизиций и постаралась внести успокоение в сознание людей, отчасти «спутать карты». По этой причине в установленный Наркоматом юстиции срок к 30 октября 1918 г. реализация декрета об отделении церкви от государства в части имущественных отношений в Ярославской губернии не была завершена [5, л. 21].

В декабре Д. Серов обвинил бывших до него руководителей Ярославского губернского отдела, а также заведующих уездными ликвидационными отделами в саботаже и потребовал завершения всех работ к годовщине декрета, к 23 января 1919 г. [5, л. 21].

Он также обязал служащих отделов объехать все монастыри с подписными листами для сбора денежных средств и вещей на нужды Красной армии, подчеркнув при этом «красным революционным карандашом»: «Нажмите, как следует... не будьте соглашателями с попами, особенно с черноризцами, монахами, которым не будет места в Советской России... организуйте во всех монастырях коммуны, гоните тунеядцев на работу» [5, л. 21–21об.].

Несмотря на весь революционный пафос подобных инструкций, полностью выполнить декрет Советской власти ярославским «ликвидаторам» не удалось и к новому сроку. Так, в конце февраля 1919 г. Рыбинский ликвидационный отдел отчитался: в уезде сохранилось 2 монастыря и 50 храмов, в городе 8 приходских храмов, 7 домовых церквей, 3 подворья, 7 часовен, 1 католический костел, 1 лютеранская церковь и 5 «других общин». Все приходы заключили договоры с совдепами, жилые помещения Софийского монастыря были заняты воинскими частями, «в Югском монастыре также произведено уплотнение, и освобожденные помещения» поступили в распоряжение исполкома. Преподавание религии во всех школах прекращено, специальных богословских учебных заведений для взрослых в уезде больше нет, кладбища и похоронные бюро национализированы. На все вопросы отчета о том, были ли столкновения с духовенством или населением на почве реализации декрета об отделении церкви от государства; были ли открытые выступления черносотенцев и «возбуждение преследований» перед Революционным трибуналом, заведующий отделом ответил решительным «нет», «не было» [5, л. 34об., 35]. Его ответ противоречил фактам. Репрессии против защитников церковного имущества и православных святынь оставили заметный след в истории Ярославской епархии, о чем свидетельствует трехтомник ярославского мартиролога [2].

Заключение. Таким образом, рассмотренные факты убеждают в том, что, во-первых, центральным звеном в последовательной цепи первых антирелигиозных декретов было лишение РПЦ ее финансово-материальной основы и обогащение таким путем государства. Обратной стороной этой «победы» послужило разрушение одного из крепких культурно-хозяйственных укладов в экономическом строе бывшей Российской империи. Во-вторых, «вертикаль» исполнительных органов при местных советах депутатов, призванная выполнять циркулярные распоряжения от Наркомата юстиции РСФСР, окончательно сложилась в Ярославской губернии только в ноябре 1918 г., хотя к претворению в жизнь декрета об отделении церкви от государства губернская и уездная власть в лице комиссаров по церковно-монастырскому имуществу приступила в январе. Если вначале задержка на организационном, подготовительном этапе была связана с проявлениями массового сопротивления верующих антицерковным мероприятиям в форме митингов, крестных ходов и, главным образом, бойкота приказов о составлении и сдаче описей имущества, то летом – уже с антисоветским мятежом, за которым последовали аресты и отвлечение сил на восстановление порядка. В-третьих, намеченные сроки завершения перехода всего церковного и монастырского имущества под кон-

троль местных советов депутатов не были выполнены. По словам губернского руководства реализацией антирелигиозных декретов, причиной послужил «саботаж» со стороны самих «ликвидаторов». За этим может скрываться не только стремление переложить собственную вину на подчиненных, но и реальная уступчивость служащих перед напором приходских общин, выполнявших соответствующие указания Священного Синода.

Список литературы

1. Благовестник. Епископ Романовский Вениамин (Воскресенский). Жизнеописание. Письма / сост. Е. И. Большакова. Б. м., б. г. 393 с.
2. Все мы Христовы. Священнослужители и миряне земли Ярославской, пострадавшие в годы гонений за веру православную. 1918–1953. Краткие биографические сведения / сост. Еп. Вениамин (Лихоманов), др. Ч. 1–3. Ярославль ; Рыбинск, 2012–2017.
3. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1913 гг. СПб. : Синодальная тип., 1915. 316 с., прил. 1. Табл. № 1–4, 6–8, 17–19; прил. 21. табл. № I, II.
4. ГАЯО (Государственный архив Ярославской области). Рыбинский филиал (РбФ). Ф. Р 118. Оп. 2. Д. 5.
5. ГАЯО. РбФ. Ф. Р 118. Оп. 2. Д. 29.
6. ГАЯО. РбФ. Ф. Р 118. Оп. 2. Д. 32.
7. Гольдберг Р. Город перед мятежом // Шестнадцать дней. Материалы по истории белогвардейского мятежа (6–21 июля 1918 г.). Ярославль : Издание Ярославского Губкома РКП, 1924. С. 47–53.
8. Дашковская О. Д. Русская православная церковь и кредитные учреждения в конце XVIII – начале XX вв. (по материалам Ярославской епархии) // Духовная миссия, цивилизационная идентичность и ценностно-смысловые аспекты истории Ярославско-Ростовской епархии в X–XXI вв. Ярославль : Шукаева и семья, 2022. С. 114–119.
9. Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 – 16 марта 1918. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. 626 с.
10. Малинин Б. У Белых под пятой. «Союз защиты Родины и свободы» // Шестнадцать дней. Материалы по истории белогвардейского мятежа (6–21 июля 1918 г.). Ярославль : Издание Ярославского Губкома РКП, 1924. С. 57–87.
11. Монахиня Смарагда (Зыкова). Толгский монастырь в годы гонений на Церковь в XX веке // Жизнь во Христе. 2014. № 1(2). С. 71–72.
12. Орлов И. Б. Советское государство и Церковь в 1920-е годы: проблемы и перспективы сотрудничества // Эпоха князя Владимира и развитие Российской государственности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 26 июня 2015 года, г. Ярославль / под ред. Ю. Ю. Иерусалимского. Ярославль, 2016. С. 420–436.
13. Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в Советской России. Октябрь 1917–1918 : сб. док. / отв. ред. прот. В. Воробьев ; отв. сост. Л. В. Милякова. М. : Изд-во ПСТГУ, 2016. 944 с.
14. Рязанцев Н. П. К истории Мологского восстания 1918 года // Мологский край: страницы прошлого. Некоуз, 1997. С. 39–47.
15. Сомов В. А. Взвешенный подход к оценке взаимоотношений государства и церкви в первоначальный советский период // Гуманитарные исследования Центральной России. 2025. № 1 (34). С. 32–38. DOI: 10.24412/2541-9056-2025-134-32-38.
16. ЦДНИ ЯО (Центр документации новейшей истории Ярославской области). Ф. 16. Оп. 1. Д. 3.
17. Церковные ведомости. 1918. 5 янв. № 1. Неоф. ч.
18. Церковные ведомости. 1918. 20 янв. № 2. Неоф. ч.
19. Церковные ведомости. 1918. 31 янв. № 3–4. Неоф. ч.
20. Церковные ведомости. 1918. 7 (20) февр. № 5. Неоф. ч.
21. Церковные ведомости. 1918. 2–15 марта. № 7–8. Оф. ч.
22. Церковные ведомости. 1918. 16 (29) марта. № 9–10. Неоф. ч.
23. Церковные ведомости. 1918. 1(14) июля. № 23–24. Неоф. ч.

From the History of the Transfer of Church Property to State Ownership in the Yaroslavl Province in 1918

Arkhipova Lyubov Mikhailovna

Doctor of History, professor of the Department of National History, Yaroslavl State Pedagogical University
n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. ORCID: 0000-0001-8285-5720. E-mail: lubov.a2011@yandex.ru

Abstract. The article examines the relevant scientific history of property relations between the Russian Orthodox Church and the state in the first year of the implementation of the anti-religious decrees of the Soviet government. While fundamental historical works on the anti-church policy of the proletarian dictatorship pre-

sent a conceptually meaningful view of its causes, scope, means, and results, regional studies always offer the prospect of filling concepts with new specific historical material, introducing archival sources and information about local specifics into scientific discourse. This study is based on the principles of social history and the use of neo-positivist methodology and source studies techniques in the collection and interpretation of historical information. The object of study is the organizational aspects of the implementation of anti-religious legislation. The subject is the formation of new property relations between the Yaroslavl Soviets of deputies and the diocese. The main source base was made up of circulars, business correspondence, reports, presentations, inventories of property and acts of its requisition, applications of parish communities, bank certificates on the capital of churches and monasteries, etc., preserved in the funds of the provincial and district departments (executive committees of soviets) on the separation of church from state in the State archive of the Yaroslavl region and its Rybinsk branch. In conclusion, the article presents observations on the peculiarities of the transfer of church property to the state in the Yaroslavl province. The areas of application of the research results are cultural, educational, and research.

Keywords: Russian Orthodox Church, Soviet government, Yaroslavl province, separation of church and state, financial and material basis, requisitions, resistance.

References

1. *Blagovestnik. Episkop Romanovskij Veniamin (Voskresenskij). Zhizneopisanie. Pis'ma* [The Evangelist. Bishop Veniamin (Voskresensky) of Romanov. A Biography. Letters] / comp. by E. I. Bolshakova. S. l., s. a. 393 p.
2. *Vse my Hristovy. Svyashchennosluzhiteli i miryane zemli Yaroslavskoj, postradavshie v gody gonenij za veru pravoslavnyyu. 1918–1953. Kratkie biograficheskie svedeniya* [We Are All Christ's. Clergy and Laity of the Yaroslavl Land Who Suffered during the Years of Persecution for the Orthodox Faith. 1918–1953. Brief Biographical Information] / comp. by Bishop Veniamin (Lihomanov) et al. Parts 1–3. Yaroslavl ; Rybinsk, 2012–2017.
3. *Vsepoddannejšij otchet ober-prokurora Svyatejshego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1913 gg.* [The Most Humble Report of the Chief Procurator of the Most Holy Synod for the Department of the Orthodox Confession for 1913]. SPb., Sinodal'naya tip. (Synodal Printing House), 1915. 316 p., appx. 1. Tables No. 1–4, 6–8, 17–19; appx. 2. Tables No. I, II.
4. SAYR (State Archive of the Yaroslavl Region). Rybinsk Branch. F. R 118. Op. 2. D. 5.
5. SAYR. Rybinsk Branch. F. R 118. Op. 2. D. 29.
6. SAYR. Rybinsk Branch. F. R 118. Op. 2. D. 32.
7. *Gol'dberg R. Gorod pered myatezhom* [The City before the Mutiny] // *Shestnadcat' dnei. Materialy po istorii belogvardejskogo myatezha (6–21 iyulya 1918 g.)* [Sixteen Days. Materials on the History of the White Guard Mutiny (July 6–21, 1918)]. Yaroslavl, Izdanie Yaroslavskogo Gubkoma RKP (Published by the Yaroslavl Provincial Committee of the RCP), 1924. Pp. 47–53.
8. *Dashkovskaya O. D. Russkaya pravoslavnaya cerkov' i kreditnye uchrezhdeniya v konce XVIII – nachale XX vv. (po materialam Yaroslavskoj eparhii)* [The Russian Orthodox Church and Credit Institutions in the Late 18th – Early 20th Centuries (Based on Materials of the Yaroslavl Diocese)] // *Duhovnaya missiya, civilizatsionnaya identichnost' i cennostno-smyslovye aspekty istorii Yaroslavsko-Rostovskoj eparhii v X–XXI vv.* – The Spiritual Mission, Civilizational Identity and Value-Semantic Aspects of the History of the Yaroslavl-Rostov Diocese in the 10th–21st Centuries. Yaroslavl, Shukaeva i sem'ya, 2022. Pp. 114–119.
9. *Dekrety Sovetskoj vlasti. T. 1. 25 oktyabrya 1917 – 16 marta 1918* [Decrees of the Soviet Government. Vol. 1. October 25, 1917 – March 16, 1918]. M., Gos. izd-vo polit. lit. (State Publishing House of Political Literature), 1957. 626 p.
10. *Malinin B. U Belyh pod pyatoj. "Soyuz zashchity Rodiny i svobody"* [Under the Heel of the Whites. "The Union for the Defence of the Motherland and Freedom"] // *Shestnadcat' dnei. Materialy po istorii belogvardejskogo myatezha (6–21 iyulya 1918 g.)* [Sixteen Days. Materials on the History of the White Guard Mutiny (July 6–21, 1918)]. Yaroslavl, Izdanie Yaroslavskogo Gubkoma RKP (Published by the Yaroslavl Provincial Committee of the RCP), 1924. Pp. 57–87.
11. *Monahinya Smaragda (Zykova). Tolgskij monastyr' v gody gonenij na Cerkov' v XX veke* [Nun Smaragda (Zykova). The Tolga Monastery during the Years of Persecution of the Church in the 20th Century] // *Zhizn' vo Hriste – Life in Christ*. 2014. No. 1 (2). Pp. 71–72.
12. *Orlov I. B. Sovetskoe gosudarstvo i Cerkov' v 1920-e gody: problemy i perspektivy sotrudnichestva* [The Soviet State and the Church in the 1920s: Problems and Prospects of Cooperation] // *Epoha knyazya Vladimira i razvitie Rossijskoj gosudarstvennosti : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. 26 iyunya 2015 goda, g. Yaroslavl'* [The Era of Prince Vladimir and the Development of Russian Statehood : Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference, June 26, 2015, Yaroslavl] / ed. by Yu. Yu. Ierusalimsky. Yaroslavl, 2016. Pp. 420–436.
13. *Otdelenie Cerkvi ot gosudarstva i shkoly ot Cerkvi v Sovetskoj Rossii. Oktyabr' 1917–1918 : sb. dok.* [The Separation of the Church from the State and of the School from the Church in Soviet Russia. October 1917–1918 : a collection of documents] / ed. by Archpriest V. Vorobyov ; comp. by L. V. Milyakova. M., Izd-vo PSTGU (St. Tikhon's Orthodox University Press), 2016. 944 p.
14. *Ryazancev N. P. K istorii Mologskogo vosstaniya 1918 goda* [On the History of the Mologa Uprising of 1918] // *Mologskij kraj: stranicy proshlogo* [The Mologa Land: Pages of the Past]. Nekouz, 1997. Pp. 39–47.

15. Somov V. A. *Vzveshennyj podhod k ocenke vzaimootnoshenij gosudarstva i cerkvi v pervonachal'nyj so-vetskij period* [A Balanced Approach to Assessing the Relations between the State and the Church in the Early Soviet Period] // *Gumanitarnye issledovaniya Central'noj Rossii* – Humanities Researches of the Central Russia. 2025. No. 1 (34). Pp. 32–38. DOI: 10.24412/2541-9056-2025-134-32-38.
16. Documentation Centre for the Contemporary History of the Yaroslavl Region. F. 16. Op. 1. D. 3.
17. *Cerkovnye vedomosti* – Church Gazette. 1918. Jan. 5. No. 1. Unofficial part.
18. *Cerkovnye vedomosti* – Church Gazette. 1918. Jan. 20. No. 2. Unofficial part.
19. *Cerkovnye vedomosti* – Church Gazette. 1918. Jan. 31. No. 3–4. Unofficial part.
20. *Cerkovnye vedomosti* – Church Gazette. 1918. Feb. 7 (20). No. 5. Unofficial part.
21. *Cerkovnye vedomosti* – Church Gazette. 1918. March 2–15. No. 7–8. Official part.
22. *Cerkovnye vedomosti* – Church Gazette. 1918. March 16 (29). No. 9–10. Unofficial part.
23. *Cerkovnye vedomosti* – Church Gazette. 1918. July 1 (14). No. 23–24. Unofficial part.

Поступила в редакцию: 13.04.2026

Принята к публикации: 29.04.2026